

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ Владимира АМЛИНСКОГО

СЕРЬЕЗНАЯ ЖИЗНЬ

«Три главных его книги — повесть «Тучи над городом встали» и романы «Нескучный сад» и «Возвращение брата» независимо от воли автора сливаются в некий триптих о судьбах поколений... Все это производит впечатление серьезной психологической документации времени».

Евг. ЕВТУШЕНКО

ВСПОМНИМ время вступления Владимира Амлинского в литературу. Многие подавали надежды, а некоторые писательские судьбы казались состоявшимися уже после двух-трех первых вещей — так ново, неожиданно, дерзко, и такой за всем этим запас энергии виделся, молодой, победительной, нескончаемой... В маленькой комнате отдела литературы и искусства газеты «Московский комсомолец» молодыми его сотрудниками увлеченно обсуждались имена, имена, имена... Владимир Амлинский находился в числе обсуждавших — при том, что имя его уже начинало звучать в кругу обсуждаемых. Ничего исключительного в этом не было: молодые поэты, прозаики, критики увлеченно проходили веселую, жесткую, забываемую газетную школу. Не все, конечно, однако в газету тянуло, связь ее с «текущей» литературой была многообразной и прочной. Это, думаю, не забудется, как бы потом ни сложились судьбы людей, независимо и уверенно проходивших коридорами «Комсомольца», «Комсомолки», «Литературы».

А судьбы сложились очень по-разному. Иногда с таким всесторонним благополучием, что, кажется уже, дерзкого начала и не было. Иногда с мучительным, тягостным драматизмом. Порой с долгими, трудными поисками себя в поэзии и прозе, драматургии и критике. Но и то ясно, что голос поколения, тогда начинавшего, звучит сегодня уверенно, явственно.

Уже первые рассказы Амлинского были скорее вески, чем громки. Лучшие из них, скажем так. Может быть, поэтому проза писателя, отнюдь не обойденная вниманием критики, оказывалась немного в стороне от бурных критических баталий.

К примеру, рассказ «Станция первой любви» был, конечно, замечен, однако в числе фламанов прозы того поколения

не рассматривался. Между тем — и сегодня это особенно ясно — была в нем исполненная достоинства обособленность, спокойная неподвластность общепринятому, моде, потоку. Писатель чутко улавливал каждодневный облик, способ общения, вкусы и интересы сверстников, однако временное с коренным, постоянным не путал, и тому, и другому зная свое место. В самой художественной плоти рассказа, не принявшей рубленого телеграфного стиля, угадывалось влияние русской классической традиции.

Жила в ранних рассказах писателя романтическая интонация, чистая по звуку, по тону, ненавязчивая и деликатная, некоторые из них ограничивались ею. Но сегодня с большим интересом, чем, например, «Баллада о Вальке Зыкове» или «Каролина-Бугаз», читаются «Станция первой любви», «Двое в квартире», «Музыка на вокзале» — то есть те вещи, где интонация эта усложняется, вбирает в себя тревогу и грусть, предчувствие будущих испытаний, и общественных, и личных, без которых всерьез живущему человеку не обойтись.

Писатель не отрицает себя, прежнего. Романтическое начало ощутимо и в его поздних вещах — романах «Возвращение брата» и «Нескучный сад», однако насколько все стало трезвее и жестче! Вера в людей осталась верой в людей, но прошла через осознание того, как немало еще в них и злого, и темного. В поле зрения писателя оказались и одиночество, страх, неустроенность. И грусть о несбывшемся, о том, что отнюдь не все молодые мечтания осуществились, явственно слышится в романах Амлинского, но тому, кто пришел к своим зрелым годам не ловча и не прячась, даже в недобрую минуту надо знать, что юношеские мечтания крайне редко осуществляются вполне, а сделанное сделано, и сделанного никто не отнимет...

Упомянув об интонации, скажу, что в прозе Амлинского она чрезвычайно сущностна. Есть писатели, у которых одна, две, три фразы, выхваченные из контекста, почти ничего не значат, могут оказаться попросту корявыми и нескладными. Некая мысль, идея некая тревожит писателя, лихорадит, он торопится ее высказать, и если мысль нова, важна, неожиданна — прощаешь корявости и нескладности, порой даже не замечаешь их. У Амлинского корявых фраз нет. То есть можно, конечно, найти, если очень поискать, но они — редчайшая редкость. И дело даже не в том, что писатель тщательнейшим образом «работает над словом», а в том, что настроение, мысль он заключает не только, иногда даже не столько в слове, но в построении фразы, в ее музыке, пластике, в ее живом и естественном дыхании.

Герои ранних рассказов, даже повестей «Тучи над городом встали», «Жизнь Эрнста Шаталова» живут, думают, чувствуют иначе, чем герои «Возвращения брата» и «Нескучного сада». Там — все впервые: первая любовь, первые разочарования, первые ошибки, если что не так — все еще десять раз можно поправить. В «Музыке на вокзале» прозвучала тревога от того, что годы идут, а не все складывается так, как задумывалось, хотелось, но и тревога легкая, первая.

В романах преобладает мироощущение человека, которому, как справедливо замечено в романе «Возвращение брата», «в жизни раз бывает сорок восемь лет». Когда прожито больше, чем осталось,

мысли о будущем оказываются беспокойней и неотступней, чем в юности. Поэтому, наверное, что научился ценить время, а его все меньше становится. И потому, что будущее очень тесно переплетено с прошлым, прожитым: за какую ниточку ни возьмись, слишком многое сразу потянется, сдвинется. Каждый поступок дается труднее — и оттого еще острее необходимость его. И думается, не правы те, кто, говоря о поздних книгах Амлинского, обращает внимание прежде всего на их юных героев. Конечно, писатель мастерски воспроизводит детскую, юношескую психологию. Но если в рассказах взрослые герои возникали в первую очередь для того, чтобы дополнить, прояснить характеры детей и подростков, то в романах писатель видит время в его движении от юности к зрелости, способной приобщиться к тому, что непреходящее, всеобщее.

Герой «Нескучного сада», сорокадвухлетний, вполне преуспевающий ученый Сергей, пытается изменить жизнь, уходит из семьи, рвет прежние отношения, искусственное поддержание которых слишком дорого начинает обходиться ему душевно, нравственно. И все-таки, все-таки... «Боже мой, как завидовал он легким людям, тем, что «сжигают мосты», но не слышат гари, не оборачиваются на мечущихся где-то там обожженных людей». Завидовал? Может быть. Человеку действительно иногда кажется, что он завидует некоей морально небезупречной, однако сильно облегчающей жизнь способности, в ком-то другом открывшейся. А скажут: давай,

тебе-то что мешает? — не сможет. Мешает что-то. Писателю очень дорого это «что-то». И я, пожалуй, не встречал в его книгах «легких людей». Скверных — да, а вот легких... Похоже, они неинтересны Амлинскому.

Судья Малин («Возвращение брата») оказался на жизненном перепутье, подобном тому, на котором мы застаем Сергея из «Нескучного сада». Мгновения, когда хотелось все изменить, перевернуть, попробовать начать все сначала, приходили к нему все реже, но были остры, мучительны... Когда он задумывался над всем этим ясно, трезво и спрашивал себя: могу ли я это или нет? — стараясь не притворяться перед самим собой, он честно отвечал: не могу. Нет, не старость, не робость, не компромиссность и даже не привычка были тому виной. Просто, как бы ты ни был недоволен своей рукой или ногой, ты их не отрубишь... Так думал судья Малин, и решение он принял противоположное тому, которое принял Сергей.

И поступок Сергея, и поступок Малина (ибо в данном случае видимое отсутствие поступка как раз таковым и является) были совершены в обстоятельствах, какую бы то ни было однозначность исключающих, и совершены нелегко. У обоих поступков одна внутренняя основа, которая называется интеллигентностью и так много в себя вмещает, так много значит в русской действительности и в русской литературе.

Когда отец Сергея, объявленный «морганистом» после печально известной «сессии ВАСХНИЛ», оказался в ситуации совершенно однозначной, но требующей большого мужества, чтобы сохранить простую порядочность, — натура интеллигента обнаружила, выявила это мужество. Когда сын Сергея, Игорь, вязаясь в драки, защищая слабого или отстаивая свое мальчишечье, а в сущности, мужское достоинство, хотя силы явно не равны, — в нем говорит воспринятая, усвоенная от отца и деда интеллигентность.

Чуткость и доброта, бескорыстие и способность сострадать ближнему, чувство ответственности, еще обостряющееся тогда, когда вроде бы по всему выходит, что она не твоя, а чья-то... Все сегодня, сейчас, в самых современных своих проявлениях, весьма обыденных и из ряда вон выходящих. И все с такой безусловностью связано с тем, чем жили, над чем бились русские интеллигенты, совестливые люди и два, и три поколения тому назад.

В «Нескучном саду» Амлинский пишет жизнь трех поколений семьи русских интеллигентов — и мы видим отчетливо, что помогает им сохранить себя, выстоять перед лицом грозных испытаний, не измелиться в затягивающей повседневности. В «Возвращении брата» писатель обращается к совершенно иному жизненному пласту, совсем другому герою. К герою, который утратил себя — утратил на долгие годы.

Здесь перед нами — географические и духовные «медвежьи углы». Воровская среда, озлобленные, опустившиеся люди, взаимоотношения их, основанные на жестокости и насилии. Увидено все это без тени приблизительности, досконально и зорко. И вот о чем в этой

связи подумалось: не с излишней ли готовностью делим мы нашу литературу на рубрики, составляем обоймы? «Деревенская проза», «городская проза», «военная проза»... Какой Амлинский писатель — «городской»? Но «Возвращение брата» не проходит по рубрике «городского романа». Тогда — какой же? Не знаю... Писатель. Со своим взглядом на мир, определяющим жизненные ценности.

Путь Ивана на дно, в воровское нравственное подполье прослежен скрупулезно и неуклончиво. Сопутствующие обстоятельства, заслуживающие самого пристального внимания, многое объясняют, но мало оправдывают: что бы ни было, человек отвечает за себя сам. Однако взгляд писателя суров, а не жесток. Полное отсутствие какого бы то ни было сентиментального прекраснотворения не исключает доброты, трезвости и горькой. В темной душе вора-рецидивиста писателю удается обнаружить заветное «что-то», не позволяющее Ивану окончательно «сжигать мосты» и не оборачиваться на «мечущихся где-то там обожженных людей». Поэтому на нем «крови нет» — через многое переступил, а через это не смог. Поэтому долго вырывало и в конце концов вызрело в нем отвращение к лживой и страшной блатной романтике, — и не преодолимо потянуло Ивана к обычной и трудной, человеческой жизни. Конечно, в начавшемся духовном возрождении Ивана роль таких людей, как судья Малин, и значительна, и благородна. Однако, не будь «чего-то», бесспорными оказались бы самые умные и самоотверженные воспитатели.

Я уже говорил: писатель не отводит глаз от человеческой неустойчивости, одиночества, страха, но вместе с тем в его книгах явственно и сильно звучат мотивы преодоления, сопротивления. Противоборства всему тому, что искажает, уродует человеческую натуру. Противоборства тихого в своем будничном упорстве. И противоборства яростного порыва, когда встает Иван наперекор своей постылой, искореженной жизни.

Ненависть Владимира Амлинского к жестокости, насилию доходит до физического отвращения, как, например, в описании «крыски», который (которая, которое — даже род определить трудно) наносит Ивану предательский ножовой удар.

Особенно тревожно звучит голос Амлинского, когда он видит жестокость со всем юных, «малолеток», что иногда бьют безжалостней взрослых. У взрослых — пережитки, среда, трудное прошлое, а у этих — что? И проза, и публицистика писателя пробуждают гражданскую активность, настоятельную потребность искать ответы — всем нам, вместе.

Владимир Амлинский с годами становится еще сосредоточенней. Какие-то из юношеских устремлений обрели плотность, иные рассеялись, но на их место пришли стойкость и понимание. Зрелая проза Амлинского, при ее чуткости ко времени, созвучности времени, все более тяготеет к ясности, строгости, находя опору в русской классике, в чеховской, буниной традиции.

А дальше?.. А дальше — готов новый роман, который, надеюсь, скоро придет к читателям.

Константин ЩЕРБАКОВ